

УДК 341

Аллёнов В.А.

Крадущийся тигр, затаившийся медведь: мифология российско-китайского пограничного урегулирования

**Crouching tiger, hidden bear:
the mythology of the Cino-Russian border settlement**

В статье рассматривается влияние взаимного культурного восприятия представителями российского и китайского обществ друг друга на динамику межгосударственных отношений России и Китая с XVII в. по настоящее время.

Ключевые слова: *Россия, Китай, российско-китайские отношения, российско-китайская граница, культура, мифология*

In the article the influence of mutual cultural perception by representatives of the Russian and Chinese societies each other on dynamics of interstate relations of Russia and China from XVII century on the present is considered.

Key words: *Russia, China, the Russian-Chinese relations, the Russian-Chinese border, culture, mythology*

В десятилетие, последовавшее за подписанием российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, официальные лица обеих стран пришли к консенсусу относительно того, что стратегическое партнерство между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой имеет равноправный характер, основано на понимании национальных интересов двух стран и лишено сиюминутных и конъюнктурных соображений. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров видит в современных российско-китайских отношениях «хрестоматийный пример того, как два крупных государства, относящиеся к разным общественно-политическим и культурно-цивилизационным моделям, смогли найти взаимоприемлемые решения доставшихся в наследство от истории сложнейших и деликатных проблем, в первую очередь пограничной, и выработать модель мирного и добрососедского сосуществования» [5]. Председатель КНР Ху Цзиньтао отмечает, что сегодня Китай и Россия «являются добрыми соседями, большими друзьями и надежными партнерами» [1].

Однако отношения двух государств не всегда складывались мирно, в атмосфере дружбы и сотрудничества. С первых контактов между

Русским государством и Минской империей, состоявшихся в первой четверти XVII века, отношения соседних стран стали представлять собой сложный политико-экономический комплекс. Развитие контактов Китая и России привело к необходимости определения точной границы между государствами. Процесс пограничного размежевания нередко сопровождался взаимными претензиями, «неравноправными договорами» и «историческими обидами». Значительное влияние на процесс ведения переговоров, заключения двусторонних договоров и демаркации границы оказывали расхождения в методах ведения внешней политики России и Китая, проистекавшие из упомянутых С.В. Лавровым культурно-цивилизационных различий.

Столкновение противоположных по своей сути внешнеполитических парадигм России и Китая явно прослеживается как в ходе заключения российско-китайских договоров XVII-XIX веков, касающихся пограничного размежевания на территории современного российского Дальнего Востока, так и в последующем толковании этих договоров. Начиная с первых посольств в Китай, Россия было заинтересована в поиске торгового партнера и союзника на Востоке. Однако правительство Китая, в лице маньчжурской династии Цин, видело в России не партнера, а страну «северных варваров» Лаоцань, «взбунтовавшихся» и вторгшихся на земли Поднебесной [3, с. 82]. В соответствии с этими взглядами, ни о каких равноправных договорах не могло идти и речи – «варваров» было необходимо «усмирить», в том числе и с помощью силы или угрозы силой.

Необходимо отметить, что в момент установления первых дипломатических отношений России и Китая в XVII веке между ними находились территории, заселенные кочевыми и полукочевыми народами, которые, за редким исключением, не платили дань ни русским, ни маньчжурам.

В первой половине XVII века русские казачьи отряды вышли в район Амура, присоединив к России территорию Восточной Сибири. Одновременно с появлением русских в Приамурье китайское государство попало под власть маньчжурской Цинской династии, осуществлявшей активную завоевательную политику и стремившейся к расширению своей сферы влияния за счёт подчинения народов, населявших берега Амура.

Завоевание Китая маньчжурами – соперниками России в освоении Приамурья – способствовало формированию легенды о Никанском (китайском) царстве как христианской стране, ведущей борьбу с богдыханцами (маньчжурами) [6]. Легенда о потенциальном союзнике, находящемся в глубине «чужих» в культурно-историческом плане государств и народов, подталкивала правительство России к поиску торговых путей в Китай, а также давала надежды на установление в своем роде «стратегического партнерства», обусловленного наличием общих врагов и общих интересов. Даже после того, как российские посланники выяснили, что маньчжурские войска и китайское государство являются единым целым, отношение в России к Китаю как к потенциальному союзнику в Азии, «своему» в «чужом» сохранялось и влияло на внешнюю политику России на Дальнем Востоке.

Итогом первых попыток урегулирования отношений между Россией и Цинским Китаем стал Нерчинский договор 1689 года, по итогам которого Китаю отошла значительная часть территорий, ранее принадлежавших России. В соответствии с китайской внешнеполитической концепцией «усмирения варваров» договор был заключён *under duress*, в присутствии маньчжурского войска, угрожавшего физическим уничтожением российской делегации в случае неподписания договора [3,

с. 44]. Не желая спровоцировать вооруженный конфликт на удалённых от центральной России землях и стремясь к нормализации отношений, российская сторона передала Китаю территории, согласно докладу, направленному цинскими чиновниками императору Сюань Е, «лежащие на северо-востоке на пространстве несколько тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю» [3, с. 136].

После заключения договора цинское правительство продолжило рассматривать Россию как «мелкое вассальное государство», а русских послов – как «послов, прибывающих с данью» [3, с. 177]. Такая позиция соответствовала общей внешнеполитической концепции Китая, согласно которой все страны, окружавшие Среднюю империю и вступавшие с ней в дипломатические или торговые отношения, рассматривались в качестве даннических и, следовательно, равноправное партнерство с такими странами было невозможно.

Стоит отметить, что после заключения Нерчинского договора, кроме участка на реке Аргунь, граница между Россией и Китаем осталась неопределённой из-за отсутствия достоверных данных о территориях к северо-востоку от Аргуни и в нижнем течении Амура у обеих сторон. Граница к югу от реки Уды, согласно первой статье договора, оставалась неделимитированной. Однако то, что договор был записан на русском, латинском, маньчжурском и китайском языках, позволило китайским властям вольно трактовать статьи, касающиеся прохождения восточного участка границы. Так, маньчжурский вариант договора называл промежуточными границы не только к югу от Уды, но и к северу от Большого Хинганского хребта. Опубликованная китайская версия договора вовсе опускала упоминания о нерешённости границы к югу от Уды, проводя «окончательную» границу между Россией и Китаем до побережья Охотского моря [3, с. 147]. Благодаря такой трактовке первой статьи Нерчинского договора, в Китайской Республике в начале XX века и Китайской Народной Республике во второй половине XX века была сформирована стойкая мифологема «утерянной земли» на севере, которой Китай лишился из-за «неравноправных» Айгунского и Пекинского договоров 1858 и 1860 годов. Во время советско-китайских консультаций 1964 года глава китайской делегации Цзэн Юнцюань прямо заявил, что «царская Россия, осуществив фактическое занятие территории путем переселения русского вооруженного населения, размещения военных поселений и передвижения батальонов и вооруженных судов, навязала Китаю целый ряд договоров и присоединила к России территорию, заселенную многими поколениями китайцев» [3, с. 360].

Однако, вопреки позиции официального Пекина, подписание «неравноправных» Айгунского и Пекинского договоров не сопровождалось угрозой военных действий со стороны Российской Империи. Заключение этих двух договоров предшествовали почти 100 лет взаимных консультаций, более того, в ходе переговоров Россия выразила готовность направить в Китай оружие и военных инструкторов для создания «новой военной силы» для оказания сопротивления интервенции Англии и Франции в ходе Опиумных войн, а также выступила посредником на переговорах между Китаем, Англией и Францией. Заключение новых договоров с Россией на условиях, отличных от положений Нерчинского договора, способствовало изменению позиции китайского правительства относительно России и других крупных стран Европы после окончания первой Опиумной войны в 1842 году, проиграв которую, правительство Китая было вынуждено отказаться от прежних китаецентристских взглядов на политику и экономику.

Благодаря изменению мировоззрения правительства Китая в седьмой статье российско-китайского договора, в отличие от статей Нерчин-

ского договора и договоров, заключенных Китаем с европейскими странами после Опиумных войн, были оговорены новые условия торговли, основанные на принципах взаимности и равноправия двух соседних государств. После подписания Пекинского договора в 1860 году была окончательно определена граница между Россией и Китаем на Дальнем Востоке, проходящая по рекам Амур и Уссури. Наличие точной границы позволило наладить постоянные торговые связи между двумя странами, а также заложило основы мирного сосуществования двух соседних государств, продолжавшегося до середины XX века, несмотря на внутренние потрясения, происходившие как в России, так и в Китае.

Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 года, заключённый между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, подтвердил положения Пекинского договора, касавшиеся границы между двумя странами. Обе стороны зафиксировали бесспорность историко-правовой основы существующей границы и обязались уважать государственный суверенитет и территориальную целостность друг друга [3, с. 344]. Советское правительство продолжило сформировавшуюся ещё в XVII веке тенденцию видеть в Китае союзника на Востоке, «своего» в «чужом», на этот раз в качестве страны с дружественным политическим строем и схожей идеологией. Заключение договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи обуславливалось, кроме того, наличием общих врагов – мирового империализма во главе с США и общих интересов – построения социалистического общества.

Однако всего через десятилетие после подписания договора о дружбе, союзе и взаимной помощи произошел советско-китайский раскол, в рамках которого китайское правительство выдвинуло к Советскому Союзу территориальные претензии, касающиеся 1,5 миллионов квадратных километров «захваченных» Россией земель. В ходе Пекинских консульских переговоров 1964 года по демаркации и редемаркации границы китайская сторона в лице главы делегации Цзэн Юнцюаня заявила советским представителям: «Ваш аппетит слишком велик... Помимо 1540 тысяч с лишним кв. км земли вы хотите отобрать у Китая ещё несколько десятков тысяч кв. км. Не означает ли это, что вы будете удовлетворены лишь тогда, когда заберете у нас всю китайскую территорию площадью в 9600 тысяч кв. км?... Занимайте нашу территорию, если у вас хватит смелости!... Вам никогда не видать того, чтобы мы признали ваш захват законным. Вам не видать этого теперь, вам не видать этого и через десять тысяч лет!» [3, с. 357].

Примечательно, что эмоциональные высказывания китайского представителя также предназначались для публикации в прессе КНР. В китайской прессе и литературе периода советско-китайской конфронтации мифологема «утерянной земли» на севере успешно соединялась с мифологемами «врага», «агрессора», «чужого», в роли которого выступал Советский Союз или Российская империя. Активно публиковались научно-популярные работы, описывающие захват китайской территории от Байкала до Сахалина «злыми демонами восточных народностей» – русскими [4, с. 76]. Характерно, что в китайской литературе того времени «демонами» называли и солдат японской императорской армии, оккупировавших значительную часть территории Китая во Вторую японо-китайскую войну. Таким образом сформировывался образ «агрессии» Российской империи в Китае в XIX веке, сравнимой с агрессией Японской империи в XX веке.

Апофеозом пропагандистской работы, направленной против «агрессора, отнявшего китайские земли» стал ряд вооруженных нападений войск КНР на советские пограничные заставы на Дальнем Востоке России и в Казахстане. Эти действия китайской стороны в конечном итоге при-

вели к возобновлению советско-китайских консультаций в 1969 году и заключению советско-китайского соглашения о государственной границе 1991 года.

События на острове Даманском и у озера Жаланашколь, в свою очередь, способствовали изменению отношения к Китаю в Советском Союзе и, в последующем, в России. Постепенно мифологема «угрозы», «чужого» стала превалировать над мифологемой «своего» в «чужом». Свое развитие мифологема «угрозы» со стороны Китая получила после распада Советского Союза. Помимо наличия неразрешенных территориальных споров укреплению образа Китая как «агрессора» по отношению к России способствовал приток китайских переселенцев на Дальний Восток, недовольство некультурным поведением китайцев и огромная диспропорция населения по разные стороны границы [2].

Заключенный между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года и последовавшее за ним дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на её Восточной части 2005 года окончательно определили линию прохождения границы между Россией и Китаем на Дальнем Востоке. Стороны обязались уважать территориальную целостность друг друга и развивать отношения на основе равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. «Стратегическое партнерство» китайского тигра и русского медведя вновь выдвинуло на передний план мифологему «своего» в «чужом», восстановившую отношение в России к Китаю как к союзнику на Востоке, связанному с Россией общими интересами – модернизацией и борьбой против однополярного мира.

Сближение двух государств, относящихся к разным общественно-политическим и культурно-цивилизационным моделям, помогло укрепить их экономические связи и заложило основы сотрудничества в энергетической и военной сферах. Однако, как показывает история российско-китайских отношений, периоды «стратегического партнерства» между двумя странами нередко сменялись острой конфронтацией, а окончательно установленные границы подвергались пересмотру и редемаркации. Как будут развиваться отношения между крадущимся тигром и затаившимся медведем, какие архетипы поведения и мифологемы восприятия будут определять общее будущее двух стран покажет время.

Литература

1. Встреча Ху Цзиньтао с главой МИД РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-07/22/content_674580.htm [Дата обращения: 19.07. 2011 г.]

2. Инь Цзяньпин. Китайцы на Дальнем Востоке: от «угрозы» до действующего фактора для стабильного развития экономики ДВ. [Электронный ресурс]. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no6/yin1.pdf> [Дата обращения: 20.07. 2011 г.]

3. Мясников, В.С. Договорными статьями утвердили. М., РИО Мособлупролиграфиздата, 1996. 482 с.

4. Рябченко, Н.П. КНР – СССР: годы конфронтации (1969-1982). Владивосток, Дальнаука, 2006. 157 с.

5. Сергей Лавров: партнерство России и Китая – доказательство того, что различия не мешают сотрудничеству. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regions.ru/news/1658158> [Дата обращения: 19.07. 2011 г.]

6. Соколов, В.Н. Образ христианского царства на крайнем Востоке в европейской картографии XIV-XVIII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arseniev.org/files/31.pdf> [Дата обращения: 14.05. 2010 г.]